

Не желая опозориться перед посторонними, Цзи Цинбай, преодолевая боль, пошатываясь, поднялся на ноги. Он обернулся и увидел в дверях Чертога Безмерности стоящего человека.

Неизвестно, как долго Тань Чжан уже был здесь и сколько услышал. Видно лишь было, что на нём тёмная одежда, оттенявшая чёрные волосы и брови, облик неземной красоты.

Его глаза, подобные гладким камням в глубоком пруду, наконец остановились на Цзи Цинбае.

О прибытии императора в храм Паньлун никто из внутренних дворцовых не был извещён, поэтому он пришёл один, лишь с Цзэн Дэ и несколькими гвардейцами.

Цзи Цинбай стоял в холодном, мрачном буддийском зале, снаружи просачивался чистый дневной свет, падая на его бледное лицо.

Хуайжан в какой-то момент незаметно удалился. В сердце Цзи Цинбая было тревожно, он с беспокойством смотрел на Тань Чжана.

— Заболел? — Император переступил через порог зала, и его фигура мгновенно погрузилась в тень, скрывая выражение лица.

Цзи Цинбай не знал, сколько тот услышал, с усилием выдавил улыбку и тихо ответил:

— Ничего серьёзного.

Он ужасно боялся, что тот снова позовёт Лу Чаншэна, и поспешил добавить:

— Выпил лекарство, уже намного лучше. Ваше Величество, не зовите лекаря.

Тань Чжан не выразил ни согласия, ни несогласия. Он приблизился к Цзи Цинбаю и наклонился.

Из-за того, что тот подошёл слишком близко, Цзи Цинбай инстинктивно отступил на шаг назад, но император внезапно схватил его за запястье, резко дёрнул и заключил в объятия.

«...» Цзи Цинбай от толчка немного опешил, нос заполнился запахом благовоний, исходивших от Тань Чжана.

Тот обнял его и больше не совершал никаких действий. Так они и простояли в зале в объятиях друг друга долгое время, и тело Цзи Цинбая постепенно согрелось.

Снаружи Цзэн Дэ тихо окликнул:

— Ваше Величество.

Тань Чжан разжал объятия, повернулся и взял Цзи Цинбая за руку.

— Ваше Величество собирается навестить вдовствующую императрицу? — Цзи Цинбай последовал за императором, выйдя из буддийского зала, и тихо спросил.

Тань Чжан не обернулся, медленно шёл впереди, спиной к нему:

— Нет, Мы пробудем одну ночь, завтра вернёмся во дворец.

Цзи Цинбай на мгновение замер, не в силах различить в душевной сумятице радость это или

печаль, испуг или боль. Солнечный свет, перевалив через голову Тань Чжана, пролился, словно обжигающий огонь, резанув по глазам.

Цзи Цинбай в полусознательном состоянии позволил императору увести себя обратно в келью. Цзэн Дэ был человеком сообразительным, он уже давно доставил во внутренние покои вещи, которыми Тань Чжан обычно пользовался.

Император и наложница были нежны друг с другом, естественно, посторонним тут не место.

Тань Чжан самостоятельно уселся на кровать-лохан, ожидая, когда Цзи Цинбай выжмет полотенце и подаст ему, чтобы вытереть руки.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Полотенце в пальцах мялось-мялось, а руки уже сплелись. Цзи Цинбаю снова стало кисло на душе, он опустил голову.

Подушечки пальцев императора провели по десяти пальцам Цзи Цинбая, затем перевернули ладонь и дотронулись до запястья. Там чисто и опрятно лежала нить чёток, храня тепло тела, мягкую и приятную.

— Больше никогда не снимай, — вдруг произнёс Тань Чжан, спокойно добавив:

— Понял?

Цзи Цинбай сдавленно сглотнул, и лишь через мгновение ответил:

— Понял.

Тань Чжан, казалось, остался доволен его послушанием, выражение лица наконец смягчилось, но, вспомнив о чём-то, вновь нахмурил брови.

Император прибыл уже под вечер, и вскоре Цзэн Дэ велел подать ужин.

Обычно во дворце они часто делили трапезу за одним столом, и смена места ничего не меняла. В монастыре не было мяса, но вегетарианские блюда были довольно вкусными. Тело Цзи Цинбая не могло вместить много, но, обернувшись и увидев, как Тань Чжан смотрит на него, ему пришлось с усилием отправить в рот ещё несколько ложек.

В итоге он переел, и к моменту отхода ко сну, лёжа в постели, всё ещё чувствовал тяжесть и бессмысленно смотрел в потолок.

Император спал с внешней стороны кровати. Судя по дыханию, он ещё не спал. Цзи Цинбай делил с ним ложе так долго, но впервые почувствовал сильное смущение и раздражение. Редко он не прижимался к другому, оставив между плечами небольшой промежуток.

Цзи Цинбай почти не решался пошевелиться, смутно ощущая жар, но и раздеться не мог. Пока его мысли блуждали, человек рядом внезапно перевернулся.

Тань Чжан обвил его одной рукой, ладонь скользнула к шее Цзи Цинбая. Тот вздрогнул, слегка наклонив голову и съёжившись.

В следующее мгновение император наполовину навалился на него всем телом.

Цзи Цинбай широко раскрыл глаза, сердце похолодело. По логике, сейчас он был в теле девушки с пышной грудью, и, исходя из предыдущего опыта вхождения в гарем, давно должен

был переспать с императором неизвестно сколько раз. Но у Тань Чжана до сих пор не возникало подобных потребностей, к изначальному облику Цзи Юй он тоже не питал нежных чувств, поэтому Цзи Цинбай был вполне спокоен насчёт дел между мужчиной и женщиной.

Неожиданно сегодня у императора возник интерес к этому. Цзи Цинбай стиснул зубы, мысли его спутались. Уклониться он не мог, и не уклониться тоже не мог, сердце его давно запуталось в узлы, и разобраться за короткое время было невозможно.

Рука Тань Чжана уже проникла ему за пазуху, но внезапно остановилась.

В темноте взгляд императора скользил по лицу Цзи Цинбая. Он наклонился, приблизив губы к его уху.

— Кто ты на самом деле? — Голос Тань Чжана прозвучал как удар грома, потрясая небо и землю, рассекая темя Цзи Цинбая. Император, казалось, усмехнулся и внезапно прикусил левое ухо Цзи Цинбая, невнятно прошептал:

— Клык волка, что Мы той ночью своими руками надел на тебя, где?

В прошлом, читая книжки с картинками, Цзи Цинбай всегда презирал истории, где лисьи духи надевали человеческие шкуры, чтобы притвориться людьми. Но когда это случилось с ним самим, оказалось, что и десятью тысячами ртов не объяснишь.

Разница между мужчиной и женщиной настолько велика, что даже если бы душа Цзи Цинбая разлетелась на части, он не считал, что Тань Чжан сможет его узнать. Поэтому в ту ночь в пещере он и не думал скрывать свои привычки, обращаясь с Тань Чжаном как обычно.

Цзи Цинбай не верил, что император, видя женщину, станет утверждать, что это мужчина. Но боялся, что тот пытается вывести его на чистую воду... А вдруг Тань Чжан действительно распознал его истинную сущность? Что тогда делать?

Божества, демоны, духи, призраки — Цзи Цинбай сейчас хотел бы что-то объяснить, но боялся, что уже поздно.

Рука Тань Чжана погладила его щёку, словно ему было всё равно, скажет он что-то или нет, и лишь протяжно произнёс:

— Ты сказал, что Безмерный Будда не может спасти тебя. Ты знаешь, что скоро умрёшь?

Цзи Цинбай моргнул, с недоверием взглянул на Тань Чжана, словно внезапно понял, о чём тот думает, с удивлением приоткрыл рот, но онемел.

Император не обратил на него внимания, продолжая говорить сам с собой:

— Тогда ночью ты сказал Нам, что не из этого мира. Те книжки с картинками, что Мы забрали, некоторое время назад тоже просмотрели. Нисхождение бессмертных в мир смертных для прохождения испытаний, смерть физического тела... У Нас ты завершил заслуги и добродетели?

Цзи Цинбай знал, что тот ошибался, но эти пути, хотя и разные, непостижимым образом сходились. Тань Чжан считал, что он сам является его испытанием, но никогда не думал, что Цзи Цинбай и есть в этой жизни его кармическая связь, причина и следствие.

Цзи Цинбай тяжело вздохнул. Он тихо прошептал заклинание, и Тань Чжан почувствовал, как тело под ним начало слегка меняться. Он хотел подняться и зажечь свет, но его схватили. В отличие от мягкости и нежности Цзи Юй, голос Цзи Цинбая был ясным и звучным:

— Ваше Величество, у всех людей есть смерть. Вам не стоит больше привязываться ко мне.

Тань Чжан долго молчал, но рука, которую держал Цзи Цинбай, слегка задрожала. Он услышал, как Тань Чжан, кажется, усмехнулся.

— Ты хочешь, чтобы Мы отпустили тебя? — спросил Тань Чжан.

— Нет, — Цзи Цинбай закрыл глаза, с усилием подавив подступающую к горлу кровь, горечь и муку было невыносимо.

Он перевёл дыхание и тихо сказал:

— Я хочу, чтобы Ваше Величество собственными руками убило меня.

Разлука с любимым, недостижимость желаемого — все живые существа страдают.

Спускаясь в Нижний мир, Цзи Цинбай размышлял, как Почтенный Будда преодолет эти страдания, но никак не ожидал, что в конце концов это падёт на его голову.

Если бы был выбор, Цзи Цинбай ни за что не стал бы запутываться в испытаниях Тань Чжана. Он всего лишь Верховный бог, как сможет выдержать причину и следствие небесной и земной Безмерности?

Более того, прохождение испытания в двух мирах — это переменная ещё более грозная, чем девять небесных молний. Не говоря уже о том, сможет ли Цзи Цинбай сохранить собственную душу от разрушения, даже Тань Чжан пострадает от кармического воздаяния. Если земной Безмерный подвергнется тяжёлому удару, Нижний мир непременно погрузится в море страданий, в горы мечей и адское пламя.

Оказавшись в таком положении, Цзи Цинбай в этой жизни должен умереть, хочет он того или нет. И умереть должным образом, помогая Тань Чжану преодолеть испытание страданий от разлуки с любимым и недостижимости желаемого.

Произнеся эти слова, Цзи Цинбай почувствовал, будто все силы покинули его тело. Его магия не могла поддерживаться долго, и мужское тело, лежащее на одной кровати с Тань Чжаном, тоже не чувствовало неловкости.

Император молчал, и Цзи Цинбай не смел на него смотреть.

В мире людей часто говорят: чувства приходят неведь откуда, но, раз возникнув, уходят глубоко. Живой может умереть, умерший — ожить.

Любовное испытание Тань Чжана в этой жизни пало на него, вызывая боль, пронизывающую кости, мышцы, душу и меридианы. Даже совершенствуясь десять тысяч лет, достигнув уровня Верховного бога, Цзи Цинбай не мог избежать предначертанной судьбой раны сердца и души.

Разве страдания Почтенного Будды не являются его собственным испытанием?